
Бунтовщики и флибустьеры: проблематика политической борьбы в «Бесах» Ф.М. Достоевского

© 2019 г. Р.В. Гуляев

Школа философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, Старая Басманная ул., д. 21/4.

E-mail: rgulyaev@gmail.com

Поступила 21.10.18

Статья посвящена анализу проблематики политического конфликта в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Второстепенная сюжетная линия романа содержит парадоксальное обозначение одной из сторон гражданского конфликта – «флибустьеры». Настолько конкретный термин дает возможность дополнить представления о собственно политическом содержании романа Достоевского, которое традиционно связывается с проблематикой революции и нигилизма. С причислением политического оппонента к морским разбойникам противостояние выходит на уровень борьбы двух пространственно-правовых категорий, суши против моря, т.е. как законного образа жизни против территории, не предполагающей иного регулирования, кроме права силы. Борьба против «флибустьеров» предполагает вытеснение оппонента за пределы человеческого общества, наделение его статусом не просто преступника, но «врага рода человеческого». Рутинность ситуации, в которой проявляется этот уровень конфликта, и равнодушное отношение к нему героев романа позволяют говорить о Достоевском не только как о пророке общественных потрясений XX века, но как о хроникере уже произошедшей катастрофы, оставшейся незамеченной современниками.

Ключевые слова: Ф. Достоевский, К. Шмитт, политика, конфликт, пространство.

DOI: 10.31857/S004287440006037-5

Цитирование: *Гуляев Р.В.* Бунтовщики и флибустьеры: проблематика политической борьбы в «Бесах» Ф.М. Достоевского // *Вопросы философии.* 2019. № 8. С.94–103.

Rebels and Freebooters: Political Struggle in ‘Demons’ by Dostoevsky

© 2019 г. Roman V. Gulyaev

*School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics, 21/4,
Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation*

E-mail: rgulyaev@gmail.com

Received 21.10.2018

The article is devoted to the analysis of political conflict in novel ‘Demons’ by Fyodor Dostoevsky. Its secondary plot, describing a civil conflict, includes unusual designation of political opponents as ‘freebooters’. This particular term allows to expand traditional view on political problematics of this novel, which is usually confined to concepts of revolution and nihilism. Identification of political opponent as a pirate raises the conflict to a new level. From now on this is a struggle between land and sea, i.e. space of law against space of outlawry, where might makes right. Freebooter is banished from human society, he is not an ordinary criminal, but a *hostis humani generis*, enemy of mankind. Dostoevsky’s description of an ordinary conflict being escalated to this level allows to regard him not only as a prophet of future disasters, but as a chronicler of a catastrophe which had already taken place yet remained unnoticed.

Key words: Fyodor Dostoevsky, Carl Schmitt, politics, conflict, outlawry, space.

DOI: 10.31857/S004287440006037-5

Citation: Gulyaev, Roman V. (2019) ‘Rebels and Freebooters: Political Struggle in ‘Demons’ by Dostoevsky’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2019), pp. 94–103.

Трактовка романа Ф.М. Достоевского «Бесы» в свете будущих революций 1917 г. стала в течение XX в. общим местом в русской культуре. Образы Петра Верховенского и его сообщников, вероятно, оказались более значимыми для понимания мотивации революционеров и причин их успеха, чем реальная история убийства студента Иванова и последующего процесса над нечаевцами. Апокрифическая история о наркоме Луначарском, то ли давшем, то ли получившем совет украсить памятник Достоевскому надписью «От благодарных бесов» показывает сложность отношения к писателю со стороны самих победителей. В.К. Кантор указывает на ограниченность такого подхода: Достоевский сводится в нем к роли предсказателя, которому не поверили, а содержательная часть предсказания отведена на второй план самими последующими событиями [Кантор 2010, 280–282]¹. Чтобы этого избежать, следует согласиться с С.Н. Булгаковым, который подразумевал трактовку романа как духовного, а не политического исследования конфликтов, наполняющих российское общество: «Не в политической инстанции обсуждается здесь дело революции и произносится над ней приговор. Здесь иное, высшее судьбище, здесь состязаются не большевики и меньшевики, не эсдеки и эсеры, не черносотенцы и кадеты. Нет, здесь “Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердца людей”, и потому-то трагедия «Бесы» имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе такое зерно бессмертной жизни, луч немеркнувшей истины, какие имеют все великие и подлинные трагедии, тоже берущие для себя форму из исторически ограниченной среды, из определенной эпохи» [Булгаков 1996, 490].

Однако и при таком подходе Достоевского сложно рассматривать в качестве политического мыслителя. «В эпоху, когда любые рассуждения о человеке, обществе и истории исходили из безусловного признания в качестве отправной точки автономного секулярного разума, Достоевский дерзнул заявить, что подобные исследования обязаны восходить к Христу — ведь ни один личный или политический порядок не способен сохраняться без основания на всеобщей, самоотверженной любви» [Walsh 2013, 9], — отмечает современный американский исследователь Д. Уолш. Он указывает и на другие трудности в реконструкции политико-теоретических взглядов Достоевского. Метод Достоевского-романиста — изображать, а не давать дискурсивное описание, в этом существенное отличие романов от «Дневника писателя»; сводимы ли эти позиции к одной, в которой представлены «подлинные» взгляды автора на политику, — отдельный вопрос. Во всяком случае можно утверждать, что никогда интересы Достоевского не ограничивались одной областью политического, без стремления выявить фундаментальные черты человеческой природы. Вместе с тем в данной статье предпринимается попытка выделить в многоуровневой проблематике романа «Бесы» один собственно политический сюжет, до сих пор не достаивавшийся должного внимания исследователей. И если попыток связать роман с историей последовавшей революции существует достаточно много, то о свершившейся катастрофе, завуалированно изображенной в романе, практически ничего не сказано.

«Тенденциозность» романа и обилие сатирических, но вполне узнаваемых портретов литераторов и публицистов, революционеров и представителей власти оставляют на периферии исследовательского внимания главу, в которой, возможно, содержится самая глубокая политическая проблема всего произведения. Речь идет о главе «Флибустеры. Роковое утро», завершающей вторую часть романа. В ней Степан Трофимович в сопровождении Хроникера направляется в губернаторскую резиденцию за объяснениями по поводу прошедшего у него обыска; по дороге они видят, как разгоняют и секут делегацию рабочих, пришедших жаловаться на несправедливость фабриканта. Далее старший Верховенский имеет скомканный разговор с губернатором, соглашается выступить на балу, а буквально в предпоследнем абзаце главы Ставрогин сообщает Лизе Тушиной и всем присутствующим о своем браке с Марьей Тимофеевной Лебядкиной. Исходя из хронологической таблицы [Сараскина 1990, 55], все события главы укладываются в двухчасовой промежуток утра 29 сентября. Название главы заставляет ожидать кульминационного поворота в действии; тем поразительнее, что практически ни одно из этих событий не оказывает существенного влияния на развитие той или иной сюжетной линии романа. Собрание у «наших», на котором Шатов скомпрометировал себя, уже состоялось. Ставрогин выслушал идею Верховенского о предназначенной ему роли «Иван-Царевича» и отказался от участия. Федька Каторжный уже получил задаток за убийство Лебядкиных. Получается, что события собственно «рокового утра» оказываются роковыми лишь для двоих героев: фон Лембке и Лизы Тушиной² и факультативны для дальнейшего развития сюжета. Более того, сам Достоевский впоследствии называл множественность второстепенных линий в «Бесах» своей ошибкой³, хотя и без уточнений, какие именно «недосказанные» происшествия имелись в виду.

Примечания к изданию 1957 г. указывают в качестве прообраза «шпигулинской истории» волнения на мануфактуре Штиглица в 1870 г., с уточнением, что Достоевский искажил события одной из первых массовых стачек в истории России, изобразив настроения рабочих более миролюбивыми и «верноподданническими», чем они были в реальности [Евнин 1957, 750]. В контексте интересующей нас проблематики, однако, более важным представляется не исторический контекст, а анализ того, как этот конфликт представлен в самом тексте романа. Очень точное замечание делает американская исследовательница Линн Эллен Патик: несмотря на то, что хроникер Г-в физически присутствует на площади в момент наказания рабочих и ему хватает выдержки засвидетельствовать несправедливость происходящего, от конкретного описания он «живо уклоняется» [Патук 2017, 137]. Фактически впервые в романе Хроникер оказывается «ненадежным свидетелем» — он не может назвать даже точное число

пострадавших: «...наказаны, впрочем, были всего двое, не думаю, чтобы даже трое; на этом настаиваю» [Достоевский 1974, 342]. Еще поразительнее его невнимательность выглядит, если вспомнить, что события на площади буквально повторяют главный страх Степана Трофимовича, которым тот делится накануне: «...увидят, что ничего не сделал, и высекут» [Достоевский 1974, 333]. В тот раз Хроникер отмахивается раздраженной репликой («Басни! Старые басни»), но когда воображаемое насилие становится реальностью, предпочитает обойти его стороной, переключаясь на рассказ о вымышленной богаделенке Авдотье Петровне Тарапыгиной, якобы схваченной и высеченной за неосторожную реплику. Объектом сатиры Достоевского, по мнению Патик, в этом случае оказывается общественное мнение, для которого сентиментальное отношение к потенциальным жертвам произвола перерастает в потребность их выдумывать; однако этой сатирой затмевается реальное насилие и несправедливость. Вымышленная Тарапыгина в рассказе Хроникера затмевает реальных рабочих, и, разоблачив ее историю, Г-в совершенно утрачивает интерес⁴ к пострадавшим «бунтовщикам» (имя одного из них, Фомки Завьялова, случайно всплывает потом на последнем собрании у «наших»). Для Патик этот сюжет открывает возможность рассуждений о соотношении физического и символического насилия в российском политическом терроре XIX в. (ее основная тема), но наиболее радикальный акт символического насилия, присутствующий в этой сцене, она, кажется, упускает из виду.

Деталь, на которую исследователи до сих пор не обратили должного внимания, — роль имени злополучного пристава и получившейся связки «Флибустьеров — флибустьеры». Так, один из авторов начала XX в. предполагает, что в разгоряченном сознании фон Лембке «флибустьеры» смешались с «фурьеристами» и «фаланстерами», и подытоживает: «Достоевский без малейшей натяжки создал поразительную картину человека власть имущего, с полевыми цветками в руках распорядившегося поркой невинных людей на публичной площади, среди негодующей и одобряющей публики. Что еще более оттеняет реальность и выразительность этой картины, это зависимость кутерьмы от простой случайности: не будь фамилия частного пристава Флибустьеров, вероятно, не было бы и такого трагического конца» [Чиж 1912, 12]. Тот факт, что «случайность» запрограммирована⁵ самим Достоевским, предметом анализа не становится, а смешение флибустьеров и фурьеристов опровергается словами Лембке про «морской наскок». Иную трактовку предлагает современный исследователь С.Б. Рассадин: «А то, что в шутовской фамилии «Флибустьеров», данной автором приставу, губернатор фон Лембке расслышал страшное «флибустьеры» и заподозрил бунт? Это словно взято — ну, скажем, из сухово-кобылинской «Смерти Тарелкина», построенной на подобной игре, на обмолвках и превратном толковании слов (когда из простодушного сообщения, что герой по малой нужде «оборачивался в стену», вырастает легенда об «оборотне»), а ведь Сухово-Кобылин и писал не что иное, как фарс» [Рассадин 2001, 123]. И хотя у персонажей Достоевского действительно встречаются «шутовские» фамилии (например, вспльчивый поручик Порох из «Преступления и наказания» или учитель Дарданелов из «Братьев Карамазовых», забывший имя основателя Трои, не считая более ранних сатирических произведений), ни одно из них не оказывает столь непосредственного действия на происходящее.

Более содержательным представляется подход Т.А. Касаткиной, согласно которому выбранное Достоевским имя героя «...организует второй — символический, а не событийный — сюжет произведения... Зачастую имя — самый очевидный путь к нахождению ключевого текста или «ключевой традиции» произведения» [Касаткина 2012, 376]. Касаткина предлагает обращать внимание не только на фамилию, но и на имя с отчеством героя; Флибустьерова зовут Василий Иванович, и, помимо буквального перевода — «царственный», эти имена носили девять московских государей и царей. Хроникер с иронией относится к «восторженно-административной личности» Флибустьерова, но в его беспрекословной верности субординации, в той ослепляющей ярости, с которой пристав на площади набрасывается на Степана Трофимовича, чувствуется нечто фундаментальное, отсылающее не к профессионально-бесстрастной имперской бюрократии, а к лицу власти допетровской Руси. В этом его

видимое отличие от Андрея Антоновича фон Лембке, имя которого среди российских правителей отсутствует, а власть «...по сути своей случайная, выморочная и по своему самозваная... [и] начинает притворяться законной, естественной и призванной» [Сараскина 1990, 267]. И если для фон Лембке крик и гнев – ненормальное состояние, свидетельство приближающегося срыва, то для Флибустьерова, очевидно, испытанный и нормальный способ реализации своей власти.

Однако еще большего внимания заслуживает придуманная Достоевским фамилия. Слово «флибустьер», с незначительными изменениями вошедшее в XVI–XVII вв. в основные европейские языки из нидерландского *vrijbouter*, буквально – «вольный добытчик», т.е. пират, поражает своей неуместностью, и географической, и исторической. Место действия романа прямо не называется, но российский губернский город 1870-х мало чем напоминает Вест-Индию и иные флибустьерские регионы. Однако земля и море – не только географические понятия; они задают два принципиально разных типа отношений между людьми, определяют характер хозяйства, конфликтов и власти, распространенных на данной территории. Наиболее подробно эти различия уже в XX веке излагает немецкий юрист и политический теоретик Карл Шмитт в работе «Номос земли».

Земля, по Шмитту⁶, является изначальным и естественным источником права, причем сразу по нескольким причинам. Во-первых, она воздает «по справедливости» за вложенные труды: обработанная почва приносит больший урожай, посевы дают всходы и т.д. Во-вторых, на вспаханной и обработанной почве легко провести видимые линии границ, разделить ее на определенные участки и установить правила пользования, отделить свое от чужого. Наконец, земля в буквальном смысле составляет надежное основание для стен, домов, межевых камней, т.е. всего, что придает зримые формы понятиям семьи, соседства, собственности и власти, отделяет человеческий мир от природного. История всякого оседлого народа отсчитывается от акта захвата участка земли: частная и общинная собственность, войны с теми, кто оспаривает эту территорию, установление правил и законов – все логически развивается из этого первоначального события.

В море, напротив, нет подобного соединения пространства и права: морские богатства добываются иначе, чем сельскохозяйственный урожай, успех в большей степени зависит от случая, чем от распланированных усилий. В море нет видимых границ, проходящие корабли не оставляют за собой малейших следов, море свободно и не может стать основанием для установленного человеком порядка. Эта первоначальная свобода моря подразумевает лишь свободу вольной добычи, и те, кто дерзают воспользоваться этой свободой, получают имя пиратов – от греческого *peiran* «пробовать, пытаться, отваживаться». Но для греков пират – скорее искатель приключений, чем преступник; аргонавты, как и гомеровские герои, не нашли бы в этом названии ничего зазорного. Еще в XVI в. итальянский юрист Альциат высказывает, видимо, общепринятую для эпохи мысль, что «...пират виновен в меньшей степени [чем сухопутный разбойник], потому что он совершает свои преступления на море» [Шмитт 2008, 223] – там законности и безопасности не подразумевается, в отличие от суши. Сухопутные же народы испытывают по отношению к морю «благочестивый страх»: так, Шмитт вспоминает четвертую эклогу Вергилия, который предрекает, что при наступлении золотого века «...море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут // Меню товаров вести – все всюду земля обеспечит»⁷. В главе 21 «Откровения Иоанна Богослова» «...прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет».

Все меняется с момента, когда в «завоевании моря» на смену отдельным народам (грекам, карфагенянам, норманнам, ганзейским немцам), осваивавшим ограниченные части Мирового океана, приходят великие морские державы, «талласократии» XVI–XVII вв. Открытие Нового света впервые ведет к включению всей Земли в проекты господства, конкурирующие между собой. Империя Габсбургов, как и все империи, претендующая на политическое верховенство в масштабе всего известного мира, сталкивается с неожиданными источниками сопротивления, один из которых – английские пираты. Нападая по всему миру на испанские суда и колонии,

«...они сделали бедную страну богатой; но они, что гораздо важнее, породили расу жестких и твердых духом моряков (a race of tough seamen), которая спасла Англию от нужды, повергла ее злейшего врага и превратила Англию в гордую владычицу морей» [Шмитт 2008, 220], — цитирует Шмитт классика истории пиратства⁸. Флибустьер, получивший каперский патент, стирает границы между индивидом и государством, частной выгодой и общественным интересом, войной и миром. Он привык не только к преследованию со стороны врагов, но и к тому, что собственное правительство может от него отречься или отдать под суд, когда его служба станет не нужна. В итоге «...принцип, в соответствии с которым океаны принадлежат всем, пираты и каперы XVI—XVII веков истолковали как освобождение от моральных и юридических ограничений» [Шмитт 2008, 222].

Однако победа над старыми сухопутными державами ведет к дальнейшему переосмыслению отношений моря и суши. Англо-голландские войны XVII века, Война за испанское наследство 1701—1714 гг. шли между морскими государствами, пространством борьбы стал весь Мировой океан. Когда столкновения оказалось невозможным разрешить быстро и однозначно по «праву сильного», стала очевидной необходимость договариваться и ограничивать возможности морской войны. Море перестало рассматриваться как нечто в принципе неподвластное человеческому праву; Утрехтский мир и другие договоры стремятся регулировать морские пространства так же, как сушу. Флибустьерам не остается места в этом новом миропорядке, они окончательно лишаются государственной поддержки и превращаются в уголовных преступников. И поскольку их действия теперь представляют опасность для судов всех стран, независимо от подданства, окончательный итог закономерен: «...пират был объявлен врагом рода человеческого, *hostis humani generis*. Это означает, что владетели морских империй изгнали его, объявили вне закона, обрекли на бесправие и бездомность» [Шмитт 2008, 11].

Примечательно, что в «Бесах» есть герой, довольно близко подходящий под описание «отважного» пирата. Это Федька Каторжный, который, несмотря на род своих занятий, описывается Хроникером с довольно явной симпатией и в целом не вызывает у остальных героев романа какого-либо отторжения. Хотя, вероятно, именно Федька подразумевается под «здешним народишком», «неуверенность» в котором выражает [Достоевский 1974, 184] камердинер Алексей Егорович, напутствуя Ставрогина перед ночным путешествием, репутация убийцы и церковного вора не препятствует преимущественно сочувственному к нему отношению. Преступления Федьки не отделяются, начиная с Петра Верховенского, который впервые упоминает об этой «очень замечательной личности» [Достоевский 1974, 181], от истории его продажи в солдаты за карточные долги Степана Трофимовича. На ироничное замечание того же Верховенского-младшего «Да вы его в христианскую веру обратите!» Кириллов отвечает однозначно: «Он и то христианской веры»⁹ [Достоевский 1974, 292].

Совсем иной случай представляют собой «флибустьеры поневоле», рабочие Шпигулинской фабрики. Лишь некоторые из них решаются, подобно Федьке, «переманить участь» и пойти по пути профессиональных преступников. Судьба остальных оказывается за рамками рассказа, однако по большому счету ключевое событие их истории уже произошло. Легкость, с которой фон Лембке определил их разом во «флибустьеры», можно списать на его психическое расстройство. Но его распоряжения лишь санкционировали «суровую хлопотливую заботу» полиции, которая с самого начала действовала так, как если бы имела дело с реальным бунтом; и тем более обескураживающим оказывается равнодушие Хроникера и остальных горожан, которые не проявляют ни малейшей солидарности по отношению к несправедливо наказанным рабочим и занимаются лишь пересказом слухов, дополняющих историю фантастическими подробностями и размывающих изначально предельно ясную картину конфликта. Абсурдные слова фон Лембке оказываются максимально точным обозначением стремительных перемен в статусе шпигулинских рабочих: их делегацию разгоняют силой, их моментально подозревают в поджоге города (в реальности устроенного Федькой), они превращаются если не в открытых врагов общества, то в

источник некоторой смутной угрозы. И если финал их истории в романе остается невыясненным, то сама проблематика земли (в первую очередь как пространства мира и законности) и дикого, неупорядоченного пространства, противоположного ей, встречается и в более поздних текстах Достоевского.

Д.С. Мережковский считал ключевым эпизодом, воплотившим отношение Достоевского к революции в России, фрагмент из «Дневника писателя» от февраля 1876 г., где описывался случай из детства. Гуляя по лесу, маленький Федя услышал чей-то крик «Волк бежит!» и в ужасе сам бросился прочь. Выбежав из леса, он наткнулся на пахавшего землю крепостного мужика Марейя, который остановил работу, с трудом успокоил его и, перекрестив на прощание запачканной в земле рукой, отпустил с напутствием: «Уж я тебя волку не дам!» [Достоевский 1981, 48]. «В чем же, собственно, сила мужика Марейя, спасающая от «волка», от зверя-антихриста?» — спрашивает Мережковский и сам же отвечает: «В святой Божией земле, в сырой земле-матери, которая там, на последней черте горизонта соединяется со святым Божиим небом. «Христианин — крестьянин», — объясняет сам Достоевский... Сила мужика Марейя в земле; но земля куда-то уходит от него... Земля залита кровью, а небо черно или красно от зарева пожаров. Христианство, уйдя на небо, покинуло землю; и крестьянство, отчаявшись в правде земной, готово отчаяться и в правде небесной» [Мережковский 1906, 7]. По мнению Мережковского, этот эпизод — не только прообраз всей религиозной жизни Достоевского, веры в «народ-богоносец», но и корень его главного заблуждения. Достоевский путает возможное с действительным, видит идеальных крестьян-христиан на месте реальных — темных, озлобленных творящейся несправедливостью, отчаявшихся решить земельный вопрос. На первый взгляд, к проблематике «Бесов» этот сюжет отношения не имеет — ни шпигулинские рабочие, ни другие представители народа не участвуют в замыслах Верховенского; обратного также не происходит — никого от него они не защищают; до таких частных случаев, как земельный вопрос или разрешение конфликтов на производстве, мысль «бесов» вообще не доходит. Однако если под «землей» понимать все множество значений, которыми она наделяется в «Номосе земли», «мужик Марейя» очевидным образом указывает на то, что именно подвергается разрушению в «Бесах». Крепостной мужик, с почти «материнской» нежностью успокаивающий мальчика, его резонерство («...какой волк, померещилось; какому тут волку быть?» [Достоевский 1981, 48]), размеренный спокойный труд, который начался до неожиданной встречи и непременно продолжится после, само открытое пространство обрабатываемого поля — все это создает впечатление понятного, основательного и предсказуемого мира, в котором «волку», кажется, и правда неоткуда взяться; надежды именно на *такой мир* в «Бесах» окончательно рушатся после роковых слов о «флибустьерах». После символического разрыва связи с землей мужик Марейя исчезает, и в свои права вступает дикое пространство леса, которое, подобно морю, исключает любой закон и таит в себе неизвестность и угрозу. Когда вместо померещившегося герою крика появится сам зверь, теперь лишь вопрос времени, и ждать защиты больше неоткуда. Не так важно, личные ли качества фон Лембке, заподозрившего в мирной делегации бунт, или излишняя «административная восторженность» его подчиненных стали причиной беды, но после этого события в мире романа пропадают любые правила и ориентиры. То, к чему старший и младший Верховенские вели постепенно — через прокламации, распространение атеизма, развращение нравов общества, — губернатор воплощает одной фразой: судьба новоявленных «флибустьеров» больше не может опираться на законы земли; они изгнаны с нее, поставлены перед необходимостью надеяться на случай, «переменять участь», вести себя подобно флибустьерам реальным.

Таким образом, в романе рушится связь «...между защитой и повиновением, ненарушимого соблюдения которого требуют человеческая природа и божественные законы, как естественные, так и положительные» [Гоббс 1991, 544]. Доподлинно неизвестно, читал ли Достоевский «Левиафан» Гоббса (хотя собирался¹⁰ писать для несостоявшегося одноименного альманаха Белинского), а известный фрагмент письма¹¹ к брату Михаилу не позволяет однозначно ответить, воплотился ли когда-либо интерес к Гегелю в знакомство с его «Философией права», в которой содержится мысль о различии

земли и моря, определяющем два разных принципа поведения¹². Однако независимо от того, был ли автор знаком с той или иной философской традицией, образ моря как беззаконной и опасной стихии, поглощающей исконно сухопутные пространства, появляется еще раз – в «Дневнике писателя» незадолго до смерти Достоевского.

«Явилось... бесшабашное пьянство, пьяное море как бы разлилось по России, и хоть свирепствует оно и теперь, но все-таки жажды нового, правды, новой, правды уже полной народ не утратил, упиваясь даже и вином» [Достоевский 1984, 15], – описывает «Дневник писателя» жизнь пореформенного крестьянства. Корни этой стихии в неудовлетворенном желании правды; в неспособности и невозможности высказать свои нужды и представления об упорядоченной жизни. В.К. Кантор обращается к этому фрагменту, сравнивая «разгульное богатырство» народа с буйством «карамазовщины». «Если в «Бесах» Достоевским был показан принцип грядущей жизни и вожди грядущего переворота, то в «Братьях Карамазовых» изображена та стихия, которую использовали российские бесы, возвращая Россию... в то состояние бесформенности, к которой стремилась русская душа и из которой так легко было лепить самые жестокие тоталитарные формы» [Кантор 2010, 65]. И действительно, «стихия» как таковая в «Бесах» практически отсутствует: исключение составляет короткое упоминание о «пьяных горланах» и людях «срывающихся», «потерявших нитку» [Достоевский 1974, 413] в сцене расправы над Лизой. Однако именно несостоявшийся разговор с губернатором, роковые слова о флибустьерах открывают дорогу стихии моря и показывают весьма конкретный и практический характер той правды, в которой народ испытывает нужду.

По Достоевскому, русскому народу не нужно конституций или формальных институтов – достаточно иметь возможность поговорить и быть услышанными. «Этакому ли народу отказать в доверии? Пусть скажет он сам о нуждах своих и полную об них правду. Но, повторю это, пусть скажет сначала один; мы же, «интеллигенция народная», пусть станем пока смиренно в сторонке и сперва только поглядим на него, как он будет говорить, и слушаем» [Достоевский 1984, 24]. В конце концов «...пало бы высокомерие, и родилось бы уважение к земле» [Достоевский 1984, 25]. Фон Лембке к такому уважению не способен, вместо потребности в разговоре он видит бунт. Шпигулинские рабочие, хотя хронологически предшествуют мужику Марю и «пьяному морю» из «Дневника писателя», показывают будущее развитие этого конфликта. Лишенный связи с землей и возможности отстаивать свою правду на словах, крестьянин теряет свою силу и спокойствие перед лицом приближающегося зверя; он оказывается подвержен революционной риторике не только из-за внутренней склонности к карамазовским страстям, но и потому, что изначально был поставлен в положение бунтовщика и преступника. Эрнст Юнгер писал Шмитту по поводу одной его статьи: «Вам удалось изобрести новое оружие: мину, которая взрывается бесшумно. Здание падает, как по волшебству: разрушение свершилось еще до того, как кто-либо мог его ощутить» [Юнгер 1999, 7]. Можно сказать, что с «Бесами» случилось нечто похожее: в романе принято видеть пророчество будущих потрясений, а он указывает на уже произошедший взрыв, который разрушил основания общественной жизни, но остался мало кем замеченным и понятым.

Примечания

¹ Истоки этого подхода автор связывает с точкой зрения В.С. Соловьева, ошибочно расположившего время написания романа до, а не после убийства Иванова; соответственно, мнимое предсказание о переходе нигилистов к реальным убийствам воспроизводится в большем масштабе как предсказание будущего революционного террора и гражданской войны.

² О том, какую роль раскрытие брака Ставрогина сыграло в ее решении приехать к нему, Лиза говорит в главе «Законченный роман» («Я барышня, мое сердце в опере воспитывалось»).

³ См. рабочие записки к роману «Подросток»: «Избегнуть ту ошибку в «Идиоте» и в «Бесах», что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намечном, романтическом, тянулись через долгое пространство, в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намеках, вместо того чтобы прямо объяснить истину. Как второстепенные эпизоды, они не стоили такого капитального внимания читателя и даже напротив, тем

самым затемнялась главная цель, а не разяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием» [Достоевский 1965, 212].

⁴ Поведение Хроникера в истории с «флибустьерами» — повод поставить под вопрос его моральные качества, которые превозносят некоторые исследователи. См., например: [Карякин 1981].

⁵ Также следует отметить, что флибустьеры «дебютируют» у Достоевского в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и в прозе» (1860 г.), эпизодический герой которого, впадая в сумасшествие, заявляет, что он «Гарibaldi, флибустьер и нарушитель естественного порядка вещей». Однако там этот образ не имеет предшествующей экспозиции (в виде введения созвучного персонажа), влияния на сюжет не оказывает и носит, по-видимому, случайный характер.

⁶ См. первый и второй из «Пяти вводных короллариев» [Шмитт, 2008, 8–28].

⁷ Verg. Buc. IV, 38–39. Правда, у Вергилия в следующей строке и «почва не будет страдать от мотыг, от серпа виноградник», о чем Шмитт умалчивает.

⁸ Современное издание: [Gosse 2007].

⁹ Хотя это не мешает Кириллову быть уверенным, что Федька способен резать, если потребуется. Примерно об этом же думает Степан Трофимович, когда во время своего «последнего странствования» представляет себе их возможную встречу.

¹⁰ См.: [Богданов 2006, 213–215]. О возможной рецепции Достоевским образа Левиафана еще и через «Оду, выбранную из Иова» М.В. Ломоносова см.: [Кантор 2010, 394–395].

¹¹ «Самая первая книга, которая мне нужна, — это немецкий лексикон... Пришли мне Коран, “Critique de raison pure” Канта и если как-нибудь в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву “Историю философии”. С этим вся моя будущность соединена!» [Достоевский 1985].

¹² Подобно тому как условием принципа семейной жизни является земля, твердая почва, условием промышленности является выводящая ее вон природная стихия — море. Стремление к наживе, которое связано с опасностью, возвышается над этой наживой и привносит в постоянное пребывание на земле, в ограниченном кругу гражданской жизни, в ее наслаждения и вождения, элемент текучести, опасности и гибели [Гегель 1990, 273]. Стоит отметить, что в роли «флибустьеров» у Достоевского оказываются именно заводские рабочие.

Источники и переводы — Primary Sources and Translations in Russian

Булгаков 1996 — *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // «Бесы»: антология русской критики. Сост. Л.И. Сараскина. М.: Согласие, 1996. С. 489–507 (Bulgakov, Sergey N., *Russian Tragedy*, in Russian).

Гегель 1990 — *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990 (Hegel, Georg.Wilhelm Friedrich, *Grundlinien der Philosophie des Rechts*, Russian Translation).

Гоббс 1991 — *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–546 (Hobbes, Thomas, *Leviathan*, Russian Translation).

Достоевский 1965 — Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: творческие рукописи. Литературное наследство. Том 77. М.: Наука, 1965. С. 212 (Dostoevsky, Fyodor, *Demons Manuscripts*, in Russian).

Достоевский 1974 — *Достоевский Ф.М.* Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974 (Dostoevsky, Fyodor, *Demons*, in Russian).

Достоевский 1981 — *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981 (Dostoevsky, Fyodor, *A Writer's Diary 1876*, in Russian).

Достоевский 1984 — *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1881 год. Автобиографическое. Dubia // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984 (Dostoevsky, Fyodor, *A Writer's Diary 1881*, in Russian).

Достоевский 1985 — *Достоевский Ф. М. М. М.* Достоевскому // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. С. 173 (Dostoevsky, Fyodor, *Letters*, in Russian).

Мережковский 1906 — *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. М.: изд. М.В.Пирожкова, 1906. С. 3–55 (Merezhkovsky, Dmitry S., *Prophet of Russian Revolution. To Dostoevsky's Anniversary*, in Russian).

Шмитт 2008 — *Шмитт К.* Номос земли. СПб.: Владимир Даль, 2008 (Schmitt, Carl (1997) *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*, Duncker & Humblot, Berlin, Russian Translation 2008).

Jünger, Ernst (1999) *Ernst Jünger / Carl Schmitt Briefwechsel 1930-1983*, Klett-Cotta, Stuttgart.

- Богданов 2006 – *Богданов К.А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Евнин 1957 – *Евнин Ф.И.* Примечания // *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 10 томах. Т.7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Кантор 2010 – *Кантор В.К.* «Карамазовщина» как символ русской стихии / *Кантор В.К.* Судить «Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки. М.: РОССПЭН, 2010. С. 47–75.
- Карякин 1981 – *Карякин Ю.Ф.* Зачем хроникер в «Бесах»? // *Литературное обозрение.* 1981. № 4. С. 72–84.
- Касаткина 2012 – *Касаткина Т.А.* К вопросу о функции имен в произведениях Ф.М. Достоевского / IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. М.: 2012–2014. С. 376–381.
- Рассадин 2001 – *Рассадин С.Б.* Предтечи // *Вопросы литературы.* 2001. № 1. С. 117–146.
- Сараскина 1990 – *Сараскина Л.И.* «Бесы» – роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990.
- Чиж 1912 – *Чиж В.Ф.* Развитие душевной болезни в Голядкине / *Ф.М. Достоевский.* Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей, сост. В. Покровский. М.: Изд. В. Спиридонова и А. Михайлова, 1912. С. 5–13.

References

- Bogdanov, Konstantin A. (2006) *On Crocodiles in Russia. Essays from the History of Borrowings and Exoticisms*, NLO, Moscow (in Russian).
- Chizh, Vladimir F. (1912) 'Development of Golyadkin's Mental Illness', V. Pokrovsky (ed.), *F.M. Dostoevsky, His Life and Works*, Publishers V. Spiridonov & A. Mikhailov, Moscow, pp. 5–13 (in Russian).
- Evnin, Fyodor I. (1957) 'Commentary', Dostoevsky, Fyodor, *Collected Works*, Vol. 7, GIKhL, Moscow (in Russian).
- Gosse, Philip (2007) *History of Piracy*. Dover Publications, Mineola, New York.
- Kantor, Vladimir K. (2010) *Judging the God's Creature: Dostoevsky's Prophecies*, ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Karyakin, Yurii F. (1981) 'Why a chronicler in *Demons*', *Literaturnoe obozrenie*, Vol. 4 (1981), pp. 72–84 (in Russian).
- Patyk, Lynn Ellen (2017) *Written in Blood: Revolutionary Terrorism and Russian Literary Culture, 1861–1881*, University of Wisconsin Press, Madison.
- Rassadin, Stanislav B. (2001) 'Forerunners', *Voprosy Literatury*, Vol. 1 (2001), pp. 117–146 (in Russian).
- Saraskina, Ludmila I. (1990) '*Demons*' – *A Warning Novel*, Sovietsky Pisatel, Moscow (in Russian).
- Walsh, David (2013) 'Dostoevsky's Discovery of Christian Foundation of Politics', Richard Avramenko, Lee Trepanier (ed.) *Dostoevsky's Political Thought*, Lexington Books, Plymouth, pp. 8–30.

Сведения об авторе

ГУЛЯЕВ Роман Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's information

GULYAEV Roman V. – CSc in Philosophy, Senior Lecturer of National Research University «Higher school of economics» (HSE University Moscow).